Библиотека ООН
Академии Наук СССР
458
37
«Пров 38»

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ ВЪ 1888 ГОДУ.

Публичное чтеніе Преосвященнѣйшаго Никанора, Епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, въ главномъ залѣ Архангельской Городской Думы, 24 Октября 1893 года.

Путь изъ Россіи въ Константинополь самый краткій—изъ г. Одессы, гдѣ я и сѣлъ на пароходъ прямого сообщенія. Это былъ „Азовъ", пароходъ Россійскаго Общества. Осмотрѣвъ его наканунѣ, и ласково привѣтствованный при входѣ на него гг. служащими на немъ, я былъ вполнѣ имъ доволенъ. Но когда я явился на него окончательно, въ сопровожденіи добрѣйшаго Лоб—го и увидѣлъ, какъ онъ переполненъ множествомъ людей и воловъ, то мнѣніе мое скоро значительно измѣнилось. Воловъ смирныхъ сдавали рядомъ съ пассажирами 3 класса. Нѣкоторые же волы не шли, поэтому имъ надѣвали на рога ихъ цѣпь и поднимали вверхъ машиною; упорныя животныя конечно покорялись своей участи, смиренно вытягивались во всю длину свою, и когда ихъ опускали въ трюмъ, то они незнали, что и дѣлать. Только уже черезъ

нѣсколько времени поднимались на ноги. Но и смирныя животныя не всегда оставались такими. Добрѣйшій Л. проводилъ меня до самой каюты 2 класса, а потомъ, когда я пошелъ провожать его, то онъ получилъ порядочный ударъ отъ одного вола и разные другіе знаки. Раздался послѣдній свистокъ. Начали цѣловаться и раскланиваться, и я имѣлъ счастіе утѣшиться чисто христіанскимъ участіемъ человѣка, узнавшаго меня только за день. Долго шло прощаніе шляпами, платками. Нѣсколько шлюпокъ гнались за пароходомъ съ знакомыми уѣзжавшихъ. Но скоро скрылись всѣ. Понемногу скрылись и всѣ величественные дома и храмы Одессы. Море становится необъятнымъ; ни откуда не видно ни паруса, ни какой либо живой точки; только изрѣдка плеснется дельфинъ; море шумитъ, вѣтеръ крѣпнетъ. Но всѣ такъ восхищены великолѣпнымъ просторомъ моря, необъятною ширью голубого неба, что въ разговорахъ и не замѣчаютъ надвигающейся бури. Пробилъ звонокъ къ обѣду. Насъ, обѣдающихъ во 2 классѣ, оказалось два стола. За 1-мъ сидѣли помощникъ капитана, врачъ и механикъ, грекъ съ сестрою и армянинъ, и еще кто-то. Со мною сидѣли 3 поляка и три грека, изъ которыхъ одинъ Астраханскій, ѣдущій на островъ Лесбосъ къ матери, вмѣстѣ съ сестрою, которую уже начало укачивать. Мы же ѣдимъ и пьемъ отлично, просимъ поляка—музыканта на утро поиграть, а между тѣмъ—волны все сильнѣе и сильнѣе бьютъ о стѣны парохода, особенно близъ моей постели, подъ иконою Св. Николая, неусыпнаго ходатая мореходцевъ. Послѣ обѣда кофе, но многіе уже куда-то скрылись. Два грека, горячо поспорившіе о

честности одного изъ своихъ земляковъ, едва не учинили дуэли, наградивъ предварительно другъ друга самыми оскорбительными эпитетами. А стукъ волнъ все громче и покачиванія парохода все неправильнѣе. Попробовалъ было я выдти на палубу, но тамъ уже всѣ притихли; лишь завываніе снастей и вой мачты говорили ясно о предстоящемъ. Волы, качаясь, упадали; надъ ними носилась одуряющая атмосфера. Матросы ходили скоро и молча. Становилось страшно и дурно. Я поспѣшилъ лечь. Чрезъ нѣсколько часовъ я проснулся; пароходъ качался во всѣ стороны. Со всѣхъ сторонъ нашей каюты раздавались тяжелые стоны; нерѣдко доносились женскія всхлипыванія. На другой день я проснулся поздно; немногіе пили чай. Помощникъ капитана острилъ относительно музыки; я пытался встать и не могъ; лежать самое лучшее дѣло. Подали завтракъ, но аппетита не было никакого. Часовъ около пяти вечера я поднялся и попытался обѣдать, но тщетно; все отдалъ морю и опять слегъ, всецѣло покорившись мощной силѣ и невольно припоминая поднятого вверхъ вола, учился пониманію различія силы человѣческой и Божіей, которой вѣтеръ и море послушаютъ. Лежанье продолжалось часовъ 30, до самаго подхода къ берегамъ, которые открылись почти сразу съ двухъ сторонъ, съ правой—Европейскій и съ лѣвой—Азіатскій, а въ срединѣ ихъ—лента пролива Босфорскаго.

Босфоръ.

Босфоръ—это проливъ, похожій въ ширину на Волгу или Сѣверную Двину. Онъ тянется верстъ на 20. По обѣимъ сторонамъ его горы съ покатыми

склонами къ берегамъ глубокаго Босфора. Эти горы усѣяны множествомъ садовъ, домовъ, мечетей съ игловидными минаретами и великолѣпными дворцами, подходящими непосредственно къ самымъ голубымъ водамъ Босфора, который вѣроятно привѣтливо принимаетъ въ себя все, что ему даютъ, начиная отъ всякихъ отбросовъ и кончая людьми, которымъ нерѣдко приводится встрѣчаться со смертію въ волшебныхъ водахъ Босфора, какъ было это, напримѣръ, съ нѣсколькими тысячами христіанъ при взятіи Константинополя турками, а также съ потурч. янычарами. Предъ входомъ въ Босфоръ всѣ пассажиры встрепенулись; морской болѣзни какъ небывало. Показались на каютъ-компаніи нетолько слабая гречанка, но и двѣ дочери капитана—черногорки, благодушный отецъ которыхъ похожъ на почтеннаго нѣмца. Любезный докторъ усердно докладывалъ мнѣ о всѣхъ достопримѣчательностяхъ, представлявшихся намъ еще издали.

По обѣимъ сторонамъ Босфора, при входѣ въ него, видны бастіоны, а за ними чуть примѣтные земляные валы, изъ коихъ глядятъ прямо на Босфоръ темныя дула крупповскихъ пушекъ. Пароходъ нашъ остановился; помощникъ капитана отправился въ санитарный карантинъ, стоящій на азіатскомъ берегу, а мы не могли оторвать глазъ отъ очаровательныхъ картинъ панорамы, широкой лентой развертывающейся по обѣимъ сторонамъ Босфора. Между тѣмъ мимо насъ сновали пароходы, корабли съ разнообразными флагами, разноцвѣтными куртками матросовъ; а вотъ и Босфорскія лодочки, въ которыхъ разъѣзжаютъ солидные толстые еффенди, у ногъ которыхъ по полдюжинѣ сомнительныхъ кра-

савицъ, покрытыхъ темными чадрами, а въ веслахъ по парѣ и четверкѣ рослыхъ болгаръ, или черногорцевъ въ разшитыхъ жилетахъ и фустанеллахъ съ живописными шапочками и турецкими фесками. Нескоро явились къ намъ члены санитарной коммиссіи, но за то очень скоро кончился визитъ ихъ, такъ какъ толстый грекъ, поставщикъ нашихъ воловъ въ Константинополь, должно быть поспѣшилъ порядочно раскошелиться. И мы двинулись не быстро, чтобы не столкнуться со встрѣчными пароходами и кораблями. За нашъ пароходъ прицѣпилось множество разнаго калибра лодокъ. И это, говорятъ, дозволяется дѣлать всегда, въ видахъ возбужденія симпатіи.

Другіе европейцы не позволяли дѣлать этого, но увидѣвъ, какъ чернь расположена къ русскимъ, стали дѣлать то же. И вотъ всѣ турки катаются на счетъ всѣхъ европейцевъ, такъ какъ, вѣроятно, незнаютъ русской пословицы: „любишь кататься, люби и саночки возить“. Обязательный докторъ, по мѣрѣ движенія нашего, сообщалъ: вотъ древняя Византійская башня и часть стѣны, а тамъ, за рядомъ домовъ дачниковъ, Баукъ-дере, гдѣ вонъ виднѣется небольшое, но прелестное лѣтнее помѣщеніе нашего Посольства, съ чуднымъ вѣковымъ паркомъ изъ платанъ, далеко видныхъ на высокомъ косогорьѣ. Далѣе—дома и дворцы другихъ посольствъ: Итальянскаго, Французскаго, Германскаго, надъ которыми во всѣ стороны парятъ орлы, широко распустивъ свои черныя крылья. А вотъ и дворцы Его Величества Султана Турецкаго: Топханіе, Чараганскій и Долма-бахче, построенный изъ бѣлаго мрамора, съ великолѣпною мраморною колоннадою. Онъ

стоитъ почти надъ самымъ берегомъ Босфора, за роскошной рѣшеткою. Въ немъ, говорятъ, живетъ бывшій султанъ, который изъ него никуда не выходитъ. Настоящій султанъ Гамидъ живетъ въ новомъ дворцѣ на горѣ. А тамъ, на азіатскомъ берегу, Белербейскій дворецъ, окруженный садовыми террасами. Здѣсь вотъ великолѣпный дворецъ, построенный для Французской Императрицы Евгеніи, во дни славы Наполеона III. Далѣе идетъ рядъ виллъ европейскихъ богачей и турецкихъ пашей, которые ежедневно ѣздятъ въ Стамбулъ, который находится тамъ, далѣе, направо. Вотъ кладбище турецкое, усѣянное нестройными столбами-памятниками, осѣненное десяткомъ чахлыхъ деревъ, а подъ нимъ огромнѣйшій колледжъ Американскій, въ которомъ прекрасно воспитываются сотни юношей разныхъ національностей и между прочимъ греки и болгары, которые потомъ конечно оставляютъ Православіе. Далѣе идетъ нестройная громада огромныхъ домовъ. Верхняя часть называется Перою, гдѣ находятся лучшіе магазины и дома европейскіе и среди ихъ громадный 5 или 6 этажный домъ нашего Посольства.

Нижняя же часть называется Галатою, гдѣ находится самый оживленный въ мірѣ базаръ и гдѣ помѣщаются и наши Русскія подворья Аѳонскихъ монастырей. Но весь интересъ Константинополя для насъ заключается впереди Галаты, за мостомъ, перекинутымъ чрезъ заливъ, называемый Золотымъ-Рогомъ. Здѣсь высится, среди множества мечетей, Св. Софія, а впереди ея, на мысу, стоитъ рядъ неособенно роскошныхъ, но дорогихъ по воспоминаніямъ дворцовъ, изъ которыхъ иные быть можетъ

остатки далекой и для насъ священной старины, такъ какъ здѣсь были дворцы царей Византійскихъ, начиная съ Св. Константина, основателя города. Здѣсь же, около Св. Софіи, жили Патріархи. Нынѣ же Патріархъ живетъ далѣе, за рядомъ министерствъ и разныхъ домовъ, надъ берегомъ Золотого-Рога, прямо противъ страшныхъ великановъ военныхъ кораблей, за которыми виднѣется адмиралтейство.

На противоположной сторонѣ отъ мыса, гдѣ находится Св. Софія, на азіатскомъ берегу, гдѣ нынѣ Скутари, былъ древній городъ Халкидонъ, а тамъ, въ синевѣ дальней, рядъ Принцевыхъ острововъ, на которыхъ въ миѳическія времена жили разные боги и богини Одессеи, а нынѣ тамъ наслаждаются прохладою Мраморнаго моря дачники, а на островѣ Халки учатся реалисты и семинаристы, кандидаты священства.

Неуспѣвалъ повѣдовать мнѣ все сіе словоохотливый мой собесѣдникъ, какъ предъ нами одинъ чудный видъ смѣнялся другимъ—лучшимъ, такъ что я не зналъ, что и дѣлать: смотрѣть ли назадъ, или устремляться впередъ. А на встрѣчу намъ неслась масса пароходовъ, кораблей, каиковъ. Былъ почти полдень. Солнечный блескъ все окрашивалъ самыми яркими красками. Среди Босфора жары не чувствовалось, но на берегу вѣроятно было жарко, а потому почти всѣ дома были съ опущенными жалюзями, и движенія на берегу тоже не было видно. Но вотъ „*Азовъ*“ нашъ остановился предъ Галатою, и насъ моментально окружила масса лодокъ, изъ которыхъ скоро явились непрошеные гости, разнаго рода проводники и лодочники. Меня ревниво

хранилъ одинъ изъ послушниковъ Аѳонскаго Андреевскаго скита, но я узналъ, что подворье ихъ послѣ страшнаго пожара еще не отстроено и потому предпочелъ отправиться съ послушникомъ Пантелеймонова подворья, и очень былъ доволенъ своимъ выборомъ. Распростившись съ добрымъ капитаномъ, любезнѣйшимъ докторомъ и нѣкоторыми другими, я скоро очутился надъ самою лазурью совершенно тихихъ водъ Босфора, сѣвши въ каикъ вмѣстѣ съ 5—6 другими своими спутниками изъ 3 класса. Одинъ изъ нихъ, довольно молодой мужичекъ, былъ въ какомъ то возбужденіи, даже казался выпившимъ. Вѣроятно его очень огорчило то тасканіе изъ конца въ конецъ парохода, которому подвергся онъ отъ напавшихъ на его вещи непрошенныхъ пособниковъ, отъ которыхъ освободилъ его, какъ Ангелъ-хранитель, нашъ отецъ проводникъ. Онъ все ворчалъ что то и говорилъ: ну зачѣмъ поѣхали мы? Что мы понимаемъ тутъ? Между тѣмъ къ намъ выѣхала лодка и о. П., какъ-бы здороваясь съ сидѣвшимъ въ серединѣ ея невысокаго ранга еффенди, протянулъ къ нему руку и потомъ омылъ ее въ Босфорѣ. Тотъ, взглянувши на полученное, пробормоталъ нѣсколько ворчливыхъ словъ, явно выражая недовольство. Но стоявшій въ таможнѣ чиновникъ видѣлъ, что уже должное получено и потому скоро пропустилъ насъ, небрежно взглянувъ на мой билетъ и билетъ одесскаго семинариста болгарина, а прочіе неудостоивши даже вниманія. Мы пристали потомъ къ пристани Австрійскаго агентства и мои вещи подхватили Богъ вѣсть откуда налетѣвшіе носильщики. Пройдя агентство и пересѣкши узенькую улицу, мы очутились въ зловонѣйшемъ проулкѣ и черезъ

двѣ минуты были предъ громаднѣйшимъ 4 этажнымъ зданіемъ Пантелеймонова подворья. Мнѣ отвели отличную комнату съ 3 кроватями, однимъ столомъ и всѣми необходимыми принадлежностями. Два окна моей комнаты были обращены на Св. Софію, всегда видимую ясно. Не могу выразить, какъ я былъ безконечно радъ своему мѣсту. Но все въ мірѣ семъ относительно. Рядомъ со мною, въ такой же комнатѣ, помѣщался профессоръ Петербургской Академіи Николай В. Покровскій, которому я поспѣшилъ сдѣлать визитъ, отданный имъ мнѣ въ ту же минуту. Онъ сбирался ѣхать въ Баукъ-дере, чтобы провести тамъ вечеръ въ тиши пріятной и морской прохлады. Узнавши, что тамъ же находится и о. Архимандритъ Арсеній, начальникъ миссіи, къ которому у меня было не мало поклоновъ, и я собрался туда же.

Константинополь.

Галата, уже отчасти показавшая мнѣ себя своимъ злозоніемъ, теперь явилась предо мною во всемъ своемъ безобразіи и разнообразіи, когда мы проходили на пароходъ, стоящій у моста черезъ Золотой-Рогъ. Почти черезъ каждые пять шаговъ—лежащіе на узенькихъ тротуарахъ толстыя собаки, разноплеменнѣйшая масса движущейся безпорядочно публики пѣшей и конной, въ щегольскихъ экипажахъ и невозможныхъ каруцахъ, многоконныхъ трамбахъ и каретахъ, шумъ, гамъ, всяческія выкрикиванія, стукъ рабочихъ молотковъ, зазыванія всякихъ магазинщиковъ, мѣнялъ, сапожниковъ, портныхъ, кухмистеровъ, дымъ отъ ихъ плитъ и жаровень кабеджи, дѣлали изъ узенькой, грязнѣйшей и

вонючей улицы—Галаты—невыносимый адъ. Я былъ радъ, когда мы выбрались изъ нея на широкую площадку близь моста. Но безпрерывное движеніе экипажей по разнымъ направленіямъ, неразборчивое хлестаніе лѣнивыхъ муловъ и упорныхъословъ, назойливое тыканіе подъ носъ всякихъ газетъ оглушали и здѣсь, а потому я опять вложилъ въ уши свои вату, которую вынулъ было по прибытіи на подворье. При входѣ на мостъ насъ остановили, требуя денегъ. Я все еще не имѣлъ никакихъ денегъ, кромѣ русскихъ, а потому мой проводникъ далъ за меня и взялъ мнѣ билетъ 1 класса. Времени было около двухъ часовъ; день былъ праздничный—Пятница. Сосѣдовъ оказалось множество; почти всѣ въ фескахъ, но въ сюртукахъ, жакеткахъ, пиджакахъ, въ лакированныхъ башмакахъ, въ бѣлыхъ отмѣнной чистоты сорочкахъ и въ рукахъ у 9 (изъ 10) газеты: французскія, англійскія, нѣмецкія и лишь у немногихъ турецкія. У многихъ было много знакомыхъ и потому часто приходилось наблюдать пріятныя улыбки встрѣчающихся и наслаждаться премилымъ турецкимъ селямомъ, начинавшимся граціознымъ наклоненіемъ головы и сопровождавшимся помахиваніемъ руки къ устамъ, лбу и сердцу. Приглядѣвшись, я сталъ понемногу различать турковъ, но чисто внѣшнимъ образомъ: по тонкимъ лакированнымъ галошамъ съ мѣдными гвоздиками въ запяткахъ. По лицамъ же рѣшительно нельзя было узнать: кто грекъ, кто армянинъ, кто болгаринъ, сербъ, далматинецъ. Мнѣ вспомнился грекъ продавецъ воловъ, какъ онъ скидалъ при въѣздѣ въ Босфоръ русскую фуражку и надѣвалъ феску и такимъ образомъ превратился въ турка. И тутъ сидѣли весьма многіе, столь же

сомнительные турки, какъ, напримѣръ, чистокровный русый нѣмецъ, а также и мой сосѣдъ, читавшій письмо, написанное русскими литерами. Онъ оказался австрійцемъ, работавшимъ въ Россіи на какомъ-то механическомъ заводѣ и теперь имѣющемъ мастерскую, въ которой у него есть русскій мастеръ, пишущій ему письмо. Видами Босфора теперь почти уже не приходилось любоваться, такъ какъ мы сидѣли подъ плотнымъ брезентомъ, изъ подъ котораго открывались лишь частичные виды. И такъ какъ эти виды, когда мы приставали къ берегу, открывались съ глазу на глазъ, то уже и любоваться-то приходилось меньше, такъ какъ большая часть домовъ, казавшихся изъ дали великолѣпными и грандіознѣйшими, при ближайшемъ разсматриваніи оказывались сколоченными изъ мелкихъ дощечекъ, а каменные — неокрашенными и грязными, хотя и съ большими окнами, роскошными занавѣсками и другими принадлежностями высокой работы индустріи. Черезъ часъ мы пристали къ Баукъ-дере. За рѣшеткою прибрежной гостинницы сидѣло множество разнообразной публики, покуривавшей ниргиле и пьющей кофе изъ крохотныхъ чашечекъ. Два три музыканта что-то несносное выигрывали на своеобразныхъ инструментахъ, при чемъ одинъ турокъ неистово акомпанировалъ, завывая непріятнѣйшимъ фальцетомъ и продѣлывая самыя неблагозвучныя трели, очень напоминающія греческое пѣніе, съ его сложнѣйшими варіаціями звуковъ, выводимыхъ надъ однимъ словомъ. Было около 4—5 часовъ вечера. Не успѣли мы войдти къ отцамъ членамъ духовной миссіи и обмѣняться съ ними десяткомъ дружественно-привѣтственныхъ словъ, какъ уже и завечерѣло

совершенно. Воспользовавшись обильнымъ гостепріимствомъ, я пошелъ къ о. Архимандриту, почтенному старцу, кажется бывшему учителю нашего Архіепископа. Онъ принялъ меня весьма радушно и предложилъ ночлегъ, который я принялъ съ радостію, но не вдругъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось видѣть ночь на Босфорѣ и повидать чудный садъ Посольства, бывшій теперь совершенно свободнымъ, такъ какъ у Посла былъ обычный по пятницамъ съѣздъ всѣхъ иностранныхъ Посланниковъ. Не могу описать, что это была за ночь. Звѣздное небо, съ свѣтлою луною отражались дивными лучами въ тихихъ водахъ Босфора, и кромѣ того, какъ майскіе жучки, постоянно сверкали по нему каики, съ самыми разноцвѣтными огнями. Садъ, изъ котораго мы любовались этой картиною, былъ окутанъ густою тѣнью вѣковыхъ платановъ, кедровъ, кипарисовъ и другихъ деревьевъ теплаго юга, а изъ палатъ Посольства неслись чудные звуки прекраснаго оркестра. Ахъ, думалось мнѣ, какъ бы теперь хорошо было воспѣть: Слава въ вышнихъ Богу и на земли міръ, или еще подходящее: „*Заступнице усердная*“. Теперь вѣдь, думалось мнѣ, у насъ въ Казани нашъ Архипастырь чтетъ акаѳистъ Казанской иконѣ Божіей Матери, а я вотъ залетѣлъ куда, и однако я столь же недалекъ былъ отъ центра торжества, какъ и всякій неприсутствующій на немъ, хотя-бы онъ былъ лишь за $^1/_4$ версты, а не за долами и морями, какъ я. И я утѣшился въ своей грусти. Вскорѣ потомъ подошелъ къ намъ консулъ изъ Солуни И. С. Ястребовъ, котораго я зналъ еще лѣтъ 25 тому назадъ, когда онъ еще учился въ Астраханской Семинаріи, и невидѣнный мною со времени отъѣзда его

въ Казанскую Духовную Академію. Разговоръ съ нимъ еще болѣе навелъ меня на мысль о Казани. Съ нимъ былъ капитанъ парохода, состоящаго при Посольствѣ, сынъ знаменитаго проповѣдника покойнаго протоіерея Полисадова. И такъ, въ первый же день я былъ въ Царь-Градѣ, какъ дома, въ Россіи.

Утромъ, часовъ въ 11, насъ принималъ Русскій Посолъ при Оттоманскомъ Дворѣ, глубоко чтимый Алекс. Ив. Нелидовъ, всегда проводящій это время въ глубинѣ сада, подъ сѣнью развѣсистыхъ платанъ и высокихъ кипарисовъ, гдѣ насъ угощали, по турецкому обычаю, сначала вареньемъ съ водою, а потомъ кофе. Послѣ представленія, рѣчь вскорѣ зашла о поѣздкѣ въ Ираклею, которая и назначена была во вторникъ къ вечеру. Потомъ мы сдѣлали визиты къ гостепріимнымъ членамъ Посольства, изъ которыхъ генеральный секретарь И. Н. Ивановъ показалъ намъ нѣсколько нумизмаческихъ рѣдкостей и обѣщался провести къ Патріарху. Возвратившись домой, мы спутешествовали въ Перу. Пройдя Галату, мы поднялись необыкновенно быстро по подземному туннелю и очутились въ Перѣ, гдѣ лучшіе магазины и фотографіи. Здѣсь-же наше Консульство, которое было заперто. Ночью я долго любовался широкимъ видомъ на Босфоръ и Св. Софію. Сладостно блистательный видъ этотъ такъ привлекаетъ, что я долго любовался имъ, ложась спать. И такъ какъ ночью не очень спалось отъ оглушительно-адской музыки близъ—находящагося театра низкаго разбора, то я нерѣдко вставалъ и ночью, и подходилъ къ окну, чтобы еще наглядѣться волшебной панорамой Стамбула, при полномъ блескѣ

луны, слабо однако отражавшейся на серповидной лунѣ Св. Софіи. Вѣроятно она ожидаетъ, когда будетъ поставленъ надъ Софіею Св. Крестъ, тогда и будетъ она озарять своимъ лучезарнымъ свѣтомъ, который теперь необычайными переливами отражается на водахъ Босфора и куполѣ Св. Софіи. На слѣдующій день утромъ мы прошли опять въ Перу, поднявшись чрезъ тотъ же страшный туннель. Насъ встрѣтилъ г. Ивановъ. Идти въ Фонаръ, гдѣ живетъ Патріархъ, было еще рано, а потому онъ предложилъ намъ подкрѣпиться завтракомъ. Намъ еще сопутствовалъ секретарь Русскаго Посольства Мансуровъ. Миновавъ знаменитый мостъ, по коему ежечасно проходитъ по нѣсколько тысячъ людей, мы сѣли попарно въ крохотные каики и быстро помчались въ Фонаръ, лавируя среди подобныхъ-же каиковъ и громады мониторовъ, съ зіяющими страшными отверстіями. Этихъ чудовищъ мы проѣхали нѣсколько. Церковь Патріаршая виднѣлась давно, а за нею и домъ. То и другое не внушало восторга и удивленія. Скоро насъ ввели въ пріемную, гдѣ за конторкою сидѣлъ маститый старецъ Саккелларій, главный домашній секретарь Патріарха, а потомъ провели узенькимъ корридоромъ въ покои Патріарха Діонисія, который принялъ насъ въ небольшой гостиной. Мы всѣ подошли подъ благословеніе. Онъ былъ одѣтъ, какъ одѣваются и всѣ Греческіе духовные: въ грубыхъ башмакахъ съ высунувшимися концами рубашки и плохо запахнутой рясой. Между вареньемъ и кофе шелъ разговоръ о нашей Семинаріи. Онъ съ радостію возвѣщалъ, что у нихъ въ единственной Семинаріи Халкинской окончило курсъ человѣкъ 14, что онъ тамъ служилъ

и съ нимъ служило 12 Архіереевъ. Получивъ вторично благословеніе, мы испросили позволеніе осмотрѣть его комнаты. Въ залѣ, неособенно великомъ, прямо предъ входомъ стоитъ живописная картина, изображающая мнимую добровольную передачу ключей отъ г. Константинополя его завоевателямъ; надъ входомъ виситъ довольно большая икона, изображающая первый вселенскій соборъ. Здѣсь на переднемъ планѣ черная фигура еретика Арія и подлѣ него Св. Николай Чудотворецъ, рука котораго на щекѣ Арія. Вслѣдъ за заломъ находится комната Синода, въ которой только-что окончилось засѣданіе. Впереди находится древняя икона Спасителя, Евангеліе, а съ задней стороны на приличномъ пьедесталѣ—деревянный крестъ старинной искусной работы, съ серебряной оправою по бокамъ съ обозначеніемъ жертвователя (XV вѣка). Церковь находится ближе къ берегу Золотого-Рога. Она въ высшей степени мрачная, но довольно величественная. Иконостасъ сдѣланъ подъ черное дерево. Въ немъ множество древнихъ иконъ; въ сѣверной сторонѣ въ стѣну вдѣлана часть колонны, къ которой привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, во время изстязаній, а возлѣ клироса—каѳедра Св. Іоанна Златоуста. Приложившись къ этимъ и другимъ святынямъ, поспѣшили выдти, положивъ по нѣсколько лептъ на выставленную при выходѣ тарелку. Возвратившись къ вечеру въ Пантелеймоновое подворье, я посѣтилъ богато отстраивающееся Ильинское подворье и квартиру завѣдующаго подворьемъ благолѣпнаго инока болгарина. Потомъ былъ за всенощной въ церкви Пантелеймоновскаго подворья, гдѣ служилъ старецъ—болгаринъ, а пѣли всѣ иноки подворья.

По окончаніи службы прикладывались къ частицѣ мощей Св. Пантелеймона, и потомъ любовались съ высокой галлереи на Босфоръ, Св. Софію и дворцы. Наутро, когда раздался звонъ била въ Греческой церкви, находящейся прямо противъ подворья, я пошолъ туда. Церковь напоминала собою древнюю базилику, съ тремя продольными отдѣленіями, раздѣленными коллоннами. Храмъ въ общемъ не хуже Патріаршаго, но украшеній мало. На клиросахъ попеременно читали діаконъ и псалтъ, изрѣдка прерывая свое чтеніе вычурнымъ пѣніемъ. Стоящему на лѣвомъ клиросѣ подтягивало иногда нѣсколько мальчиковъ, причемъ дисгармоничность пѣнія еще болѣе увеличивалась. Вообще утреня прошла какъ простое непраздничное служеніе. Къ литургіи священникъ облачился въ ризы, но на переди высоко завернулъ ихъ. Діаконъ надѣлъ стихарь и служба стала совершаться болѣе торжественно. Прибавилось пѣвчихъ и молящихся, изъ конхъ нѣкоторые входили въ церковь въ фескахъ. *) Меня направили въ лѣвый придѣлъ. Тамъ оказался о. протоіерей Владиміръ Григорычъ Далматинецъ. Онъ пригласилъ меня къ поздней литургіи, и я вышелъ изъ храма сѣверною дверью. Налѣво со двора шла лѣстница на хоры, я пошелъ туда, но меня остановилъ сторожъ, ибо тамъ стояли женщины. Однако я взглянулъ оттуда внизъ храма, который представилъ очень пріятное зрѣлище, хотя далеко уступающее нашимъ храмамъ подобнаго размѣра, особенно

*) Въ фескахъ ходили по церкви и въ Патріаршемъ храмѣ, такъ что мы замѣтили объ этомъ, но въ отвѣтъ намъ молодые греки только улыбнулись.

Библиотека

съ одной стороны, представляющейся въ видѣ большого сарая. Подкрѣпившись вмѣстѣ съ братіею подворья и нѣкоторыми гостями, пришедшими изъ Посольства, я попросилъ о. Владиміра проводить меня въ Св. Софію и другія святыни Цареграда. Переправившись на каикѣ чрезъ Золотой-Рогъ, мы взяли фіакръ и поѣхали къ давно желанной Св. Софіѣ. На пути намъ встрѣтилось множество грязныхъ каменныхъ старыхъ и новыхъ домовъ, а еще больше деревянныхъ, изъ которыхъ одни покосились, другіе обвалились, а въ иныхъ и окна заколочены. Грязь, чернота невообразимая, узость улицъ, постоянное движеніе идущихъ, ѣдущихъ на ослахъ, лошадяхъ, верблюдахъ, и столкновенія, дѣлали путь пренепріятнѣйшимъ. Казалось, какъ вѣдь близка Св. Софія, а мы добрались до нея не раньше какъ въ часъ. Предъ входомъ въ нее довольно большая площадка, совершенно пустая и неприбранная. Еще болѣе сору при самомъ входѣ въ храмъ, обращенный въ мечеть, гдѣ сидѣли какія-то подозрительныя женщины и разные калѣки. Безпрепятственно мы вошли въ притворъ храма, представляющій длинную поперечную галлерею, со множествомъ оркадъ.

Уплативъ франка два за входъ и кажется 10 коп. за туфли, мы стали осматривать потолокъ притвора, украшенный множествомъ священныхъ изображеній, сдѣланныхъ изъ мозаики. Но большая часть ихъ уже уничтожена и отъ многихъ остались лишь небольшіе слѣды; оставшіяся же замазаны охрой, сквозь которую яркія очи могутъ видѣть многое. Особенно ясно видно изображеніе Спасителя и двухъ ангелоподобныхъ фигуръ около Спасителя, т. е. Софіи и

Ирины, или премудрости Божіей и Мира. Это изображеніе находится предъ самымъ главнымъ изъ 3-хъ входовъ въ храмъ. Внизу этого св. изображенія находится земно-наклоненная фигура Византійскаго царя, т. е. самого строителя Св. Софіи,— Іустиніана. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мы переступили порогъ и обомлѣли отъ восторга и удивленія предъ величіемъ созданія Іустиніана, который поистинѣ превзошелъ Соломона, ибо нетолько древность, но кажется и вся современная архитектура не создала храма, равнаго этому. Главный секретъ обаянія этимъ храмомъ, по моему, заключается въ томъ, что онъ съ перваго шага вступленія въ него *весь представляется взору во всемъ его поразительномъ величіи*, необычайной симметріи и изяществѣ всѣхъ частей, полныхъ разнообразія и не нарушающихъ единства, выражающагося въ *господствѣ надъ всѣмъ небоподобнаго свода*, которому все служитъ и къ которому все устремляется. Оттуда дается свѣтъ и тамъ сосредоточивается вся жизнь храма, полная чудесной мощи и необычайной шири, такъ что многимъ имѣющимъ слабое зрѣніе онъ *можетъ представляться имѣющимъ своимъ покровомъ небо*. Благоговѣйно, медленно мы двигались по скользкимъ циновкамъ впередъ, съ необычайнымъ вниманіемъ оглядывая все и повсюду. Молящихся и болтающихся въ храмѣ было около сотни турокъ, но храмъ казался совершенно пустымъ. Дикая рѣчь фанатика-проповѣдника гулко разносилась по храму, а онъ, какъ бы подбадриваясь этимъ, еще болѣе и болѣе усиливалъ свой зовъ. Ему вторили мальчики, сидѣвшіе въ разныхъ углахъ съ коранами. И въ общемъ получалась какая-то

дивная симфонія. А что бы было тутъ, если бы услышалось пѣніе Чудовскаго хора, а тѣмъ болѣе Придворнаго хора,—думалось мнѣ; недаромъ Послы наши, стоявшіе здѣсь во время торжественнаго служенія, говорили, что они не знали, гдѣ они стояли: на землѣ или на небѣ. Да, недаромъ многіе русскіе мечтаютъ о молитвѣ въ храмѣ Св. Софіи. Не хотѣлось бы уходить изъ Софіи, такъ она хороша. Но всему бываетъ конецъ. И мы оставили Софію, давши слово побывать въ ней еще разъ, что потомъ и исполнили. Въ этотъ разъ мы имѣли случай купить нѣсколько камешковъ изъ мозаики древнихъ иконъ. И хотя это было покровительство варварскому разхищенію древнихъ святынь Софіи, но мнѣніе, что эти камешки достанутся другимъ и желаніе навсегда сохранить воспоминаніе о дорогой Софіѣ, заглушили все.

На слѣдующій день я написалъ роднымъ своимъ: „Царь-градъ по мѣстоположенію царь, а по порядкамъ—гадъ, ибо постоянно можно встрѣтиться со всякою гадостію. Но что особенно возмутительно, такъ это—страшный крикъ и гамъ разныхъ мелочныхъ торговцевъ, преимущественно-же каѳеджи, продающихъ сладкую воду и подобные пустяки. Живу четвертый день и видѣлъ четыре проулка, которые называютъ главными улицами. Эти улицы узки до нельзя и запакощены до безобразія. Все движется, суетится. Только однѣ собаки лежатъ спокойно. Вообще городъ препротивный. Хотѣлось-бы уѣхать скорѣе, но пароходъ нейдетъ къ Аѳону до пятницы. Хорошо еще то, что имѣется отличный компаніонъ, изучающій древнюю христіанскую живопись и архитектуру.

Реомюръ ночью показываетъ +20°, а днемъ 30 и

40°. Но виды, виды, особенно ночью и при лунѣ, восхитильные. Особенно восхитителенъ видъ на Софію. А что такое она внутри,— сего ни перомъ написать, ни языкомъ передать. Что наши Исаакіевскій и даже храмъ Спасителя?! Не напрасно говорятъ, что царь Іустиніанъ истратилъ всѣ свои сокровища на устройство помянутаго храма и взялъ для него изъ всѣхъ древнихъ храмовъ своего царства все, что можно было взять: колонны, капители, камни дорогіе. А какъ блисталъ этотъ храмъ, когда онъ украшенъ былъ св. иконами, разнообразною церковною утварью, сонмомъ священнослужителей, громаднымъ хоромъ пѣвчихъ? Боже! видно грѣхи многи были тѣхъ, отъ кого Ты отъялъ такую Святыню, думалось мнѣ. И воспоминаніе злодѣяній, свидѣтелемъ коихъ была Св. Софія во дни узурпаторства престола Св. Константина, подтверждали думу мою и невольно зарождали ту мысль, которую я высказалъ въ своей рѣчи, въ посольской церкви, въ день великаго торжества Россіи, по случаю 900 лѣтняго юбилея въ память крещенія русскаго народа, 15 Іюля 1888 года.

Окрестности Константинополя.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я побывалъ у такъ называемаго Живоноснаго источника, находящагося за предѣлами древней городской стѣны, которую не разъ разрушали русскіе, причемъ Олегъ даже повѣсилъ свой щитъ. Туда же подходили и недавно русскіе, безплодно постоявшіе въ С.-Стефано, верстахъ въ десяти, даже менѣе. Надъ источникомъ церковь. Говорятъ, что со временъ Императора Льва, которому открылся источникъ, не оску-

дѣваетъ чудотворная сила его, а потому не оскудѣваетъ и число богомольцевъ. По дорогѣ заѣхали въ Семибашенный замокъ; видѣли башню, въ которой сидѣлъ одинъ изъ плѣнныхъ пословъ нашихъ во времена Екатерины. Были во Влахернскомъ храмѣ,— какая тутъ простота: въ храмѣ предъ Чудотворною иконою Божіей Матери боголѣпный священнослужитель читаетъ акаѳистъ для молящихся, а въ трапезѣ нѣсколько человѣкъ лежатъ и спятъ. Зашли въ древній загородній Царскій храмъ, замѣчательнѣйшій мозаиками. Уплатили за входъ по франку. Мулла оказался очень любезнымъ и однако по долго не дозволялъ намъ смотрѣть на чудныя древнія иконы, составляющія теперь доходную статью турецкаго духовенства. На слѣдующій день побывали на островѣ Халки (на пароходѣ). Спутникъ мой ходилъ въ реальное училище, а я ограничился посѣщеніемъ гимнастической начальной школы, въ которой было до 100 дѣтей самаго малаго возраста, а потомъ духовной семинаріи. Здѣсь проводникомъ нашимъ оказался греческій іеродіаконъ, окончившій курсъ въ Кіевской академіи и учившій семинаристовъ русскому языку. Великую драгоцѣнность семинаріи составляетъ библіотека, въ которой много рукописей самыхъ древнихъ, напримѣръ церковныхъ богослужебныхъ и въ томъ числѣ пѣвческихъ. Замѣчательно, что я здѣсь видѣлъ множество вырѣзокъ древнихъ картинъ, которыя потомъ я видѣлъ въ Римѣ, въ Ватиканскомъ музеѣ. Да, западъ многое похитилъ съ востока! Что же? Можетъ быть къ лучшему, такъ какъ чрезъ это сохранились многія священныя древности, которыя иначе пропали бы безслѣдно.

12 и 13 Іюля сдѣлана была экскурсія въ древнюю Ираклею (Ерикли), первое мѣстопребываніе Византійскихъ святителей, преемники которыхъ доселѣ вручаютъ Патріарху Константинопольскому архипастырскій жезлъ, какъ бы въ знакъ того, что они добровольно уступаютъ, или передаютъ ему свои права митрополіи, оставляя за собою только титулъ, при самыхъ узкихъ правахъ территоріальной епископской власти.

По сообщенію корреспонденціи того времени, „экскурсія эта совершилась на посольскомъ пароходѣ Псезуапе, управляемомъ г. Полисадовымъ. Въ ней участвовалъ самъ г. Посолъ съ сыновьями своими, совѣтникъ посольства г. Ону, секретари посольскіе Смирновъ и Мансуровъ и др. Здѣсь же находились случайные гости Константинополя: ректоръ Казанской духовной семинаріи Н. П. Каменскій и профессоръ Петербургской Духовной Академіи Н. В. Покровскій, который своею цѣлію пребыванія и навелъ всѣхъ на мысль объ этомъ путешествіи, хотя главною виновницею должно признать достопочтеннѣйшую супругу Посла, которой какъ то привелось видѣть Чудотворную икону изъ Ираклеи. Пораженная очевидною святостію иконы, достоуважаемая Ольга Александровна пожелала имѣть съ нея фотографію, что и было исполнено въ эту экскурсію. Кромѣ того г. Смирновымъ былъ сдѣланъ снимокъ отъ руки, а профессоромъ Покровскимъ подробное описаніе, что имѣло не малое значеніе, такъ какъ этой древней святыни грозитъ полное уничтоженіе. Дѣло въ томъ, что оно состоитъ изъ камешковъ, т. е. мозаической работы. Находясь въ болѣзни, мѣстные жители понемногу вынимаютъ ку-

сочки мозаики, дѣлаютъ растворъ и пьютъ его. Теперь уже средина иконы вся выбрана, а послѣ хищническія руки могутъ касаться и другихъ частей св. иконы Богородицы—Одигитріи, несмотря на то, что г. Посолъ усердно просилъ монаховъ, владѣльцевъ иконы, всячески оберегать ее.

Ираклея имѣетъ свою великую и славную исторію. Еще въ давнюю эпоху здѣсь находился городъ, который назывался то Примонтомъ, то Ираклеею. И памятники находящіеся здѣсь относятся къ самымъ древнимъ временамъ, начиная съ орхаическихъ и кончая Византійскими и Генуезскими. Нашихъ паломниковъ особенно интересовали христіанскія древности, но барельефы, капители, древне-греческія надписи, остатки статуй, колонны, валяющіяся на пути, разныя изваянія, вмазанныя въ заборы и клѣти, невольно приковывали ихъ вниманіе прежде, нежели они пришли къ главной святыни Ираклеи,—древнему соборному храму."

„Хотя путешественники восходили на гору рано утромъ (13 Іюля), однако путь былъ нелегокъ по случаю жары. Кромѣ того жители Ираклеи пугали насъ разбойниками, а оружія у насъ не было никакого, поэтому мы принуждены были взять съ собою отрядъ матросовъ. Но вскорѣ кажется сами разбойники любезно предложили понести фотографическіе инструменты, и мы отправились ко храму. При входѣ во храмъ всѣхъ насъ поразила обычная древнимъ греческимъ храмамъ открытость всего храма и необычайная легкость всѣхъ формъ его и особенно купола, очевидно построеннаго по образцу храма Св. Софіи въ Константинополѣ. Обширный сводъ купола покоится на четырехъ каменныхъ стол-

бахъ, внутри коихъ заложено четыре громадныхъ столба изъ бѣлаго мрамора, которые, быть можетъ, взяты были изъ какого-нибудь древняго языческаго храма, или знаменитаго театра Ираклеи. Бѣлымъ мраморнымъ камнемъ покрывается и полуразрушенный престолъ, сложенный изъ разныхъ камней. И по всей алтарной части уцѣлѣло не мало бѣломраморныхъ камней, изъ коихъ нѣкоторые ясно сохранили слѣды укрѣпленія, очевидно, иконостаснаго. Горнее мѣсто выложено широко за одно со стѣною изъ мѣстнаго сѣраго камня, глыбы котораго доселѣ омываются бурными волнами мраморнаго моря, съ южной его стороны, гдѣ въ древности находился театръ, въ коемъ былъ замученъ Св. великомученикъ Ѳеодоръ Стратилатъ, бывшій здѣсь городскимъ начальникомъ. Слѣды амфитеатра и теперь еще видны ясно. На стѣнахъ храма во всѣхъ частяхъ его находятся остатки живописи. Особенно сохранилась она на дугахъ арокъ, такъ какъ сюда не проникалъ губительный дождь, уже видимо давно имѣвшій доступъ въ храмъ, а теперь и совершенно господствующій въ немъ, съ тѣхъ поръ, какъ боковая стѣна подъ куполомъ рушилась и въ восточной сторонѣ открылось большое отверстіе. Также хорошо сохранилась древняя живопись и въ нѣкоторыхъ нишахъ. Но всѣ эти остатки древней живописи такъ сказать третичной формаціи, которыя постепенно налагались въ разныя эпохи процвѣтанія христіанскаго города Ираклеи. О. протоіерею Каменскому удалось произвести очистку двухъ слоевъ и въ третьемъ найдти такое прекрасное изображеніе Св. Андроника, что нашъ профессоръ пришелъ въ восторгъ отъ прелести рисунка и очевидной глубо-

кой древности его. Г. докторъ усердно старался открыть что либо, и ему удалось открыть изображеніе Серафима, лицо котораго, написанное на зеленомъ фонѣ, среди темныхъ крыльевъ, оказалось не очень яснымъ. Всѣ члены экспедиціи также усердно трудились надъ списываніемъ надписей, разныхъ орнаментовъ и вручили все это г. профессору. Но главное дѣло было сдѣлано г. Посломъ, по распоряженію котораго снято четыре вида съ внутреннихъ частей храма и два съ наружныхъ. Эти виды также переданы были въ распоряженіе г. профессора. Не упреждая его выводовъ, мы, однако, считаемъ возможнымъ передать тѣ свѣдѣнія о семъ храмѣ, которыя были сообщены намъ въ одномъ домѣ, куда позваны были въ гости всѣ члены экскурсіи. Здѣсь, чрезъ г. Драгомана, маститый отецъ семейства, старецъ лѣтъ 80, сообщилъ намъ, что Ираклейскій древній храмъ былъ основанъ въ честь Св. Апостоловъ, въ память посѣщенія сего мѣста Св. Апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ. Затѣмъ было добавлено, что послѣ одного изъ турецкихъ разгромовъ, всѣ мѣстные жители перебрались въ Италію, а храмъ и дома оставлены были на волю Божію. Въ недавнее время греки поселились здѣсь опять, но по бѣдности своей не могли сдѣлать ничего для поддержанія древностей церковныхъ. Что же касается до языческихъ древностей, то онѣ видимо усердно собираются и потомъ продаются любителямъ.

Этимъ дѣломъ не гнушаются и монахи единственнаго въ Ираклеи убогаго монастыря, славнаго Св. Чудотворною иконою Одигитріи, которой мы сначала помолились, а потомъ сняли съ нея фотогра-

фію, на предметъ сохраненія ея вида, истребляемаго невѣждами чрезъ хищеніе разноцвѣтныхъ камешковъ, изъ коихъ она составлена. Кромѣ служенія въ монастырѣ, монахи еще раза два-три служатъ въ древнемъ храмѣ, а именно: на Пасху и въ день памяти Св. Апостоловъ, т. е. 30 Іюля".

Печальная судьба г. Ираклеи и ея разныхъ древностей интересны въ томъ отношеніи, что по образу ея совершилось паденіе и многихъ другихъ городовъ славной Византійской Имперіи. Возвратились мы въ Баукъ-дере за день до знаменитаго 15 Іюля 1888 года.

Празднованіе въ Константинополѣ 900 лѣтія крещенія русскаго народа

(корреспонденція 1888 года).

Великое торжество всей Россіи, по случаю исполненія 900 лѣтія со времени начала крещенія русскаго народа, не осталось безъ глубокаго сочувствія и въ томъ центрѣ духовной жизни, откуда 900 лѣтъ тому назадъ впервые пришли первые просвѣтители и учители нашихъ предковъ.

Еще съ вечера въ разныхъ мѣстахъ Перы и Галаты стали раздаваться тоненькіе звуки колоколовъ, призывающихъ Православныхъ на молитву. Утромъ раньше другихъ совершили утреню и литургію Пантелеймоновцы. Въ числѣ братіи здѣсь находился архимандритъ Болгарскаго монастыря—Хилендаря и затѣмъ нѣсколько русскихъ поклонниковъ.

Послѣ литургіи совершенъ былъ молебенъ Св. Равноапостольному Князю Владиміру. Почти около того-же времени совершилась служба у Андреевцевъ. Потомъ началась служба у грековъ, храмъ кото-

рыхъ находится вблизи. Въ этомъ же храмѣ совершается служба славянъ Далматинцевъ протоіереемъ Владиміромъ Григорычемъ. Но центромъ полнаго торжества было русское Посольство, находившееся на дачѣ, въ Баукъ-дере. Кажется, Посольству недано было никакихъ инструкцій относительно сего торжества. Но чье же русское сердце можетъ быть нечувствительнымъ къ воспоминанію такого великаго событія, какъ крещеніе русскаго народа? Сердце же русскаго представителя нашего Императорскаго Посольства, досточтимѣйшаго Александра Ивановича Нелидова видимо горитъ особенно горячею любовію ко всему святому для Руси. Литургія въ лѣтней посольской церкви началась въ обычное время, въ 10 часовъ; но стеченіе богомольцевъ на этотъ разъ было необыкновенное. Кромѣ всѣхъ лицъ, служащихъ въ Посольствѣ и ихъ семейныхъ, здѣсь находились почти всѣ русскіе, живущіе въ Константинополѣ, почти вся команда съ посольскаго парохода и—что особенно важно—многіе представители греческой церкви, во главѣ съ Деркоскимъ Митрополитомъ, въ митрополіи котораго находится лѣтнее помѣщеніе русскаго Посольства. Всегда задушевное и стройное пѣніе Аѳонскихъ иноковъ, управляемыхъ псаломщикомъ, въ этотъ разъ было особенно умилительно-сладостно. Полное благочестивой настроенности и искусно выполняемое сообразно съ требованіями строгой гармоніи, пѣніе это невольно переносило мысль къ тому пѣнію, которымъ были поражены наши Послы, молившіеся около 900 лѣтъ тому назадъ въ важнѣйшемъ храмѣ Царь—града, въ храмѣ Св. Софіи—Премудрости Божіей. И здѣсь совершалось торжество, и здѣсь

еще наканунѣ приготовлялось безчисленное множество свѣтильниковъ; но только, о горе!—мусульманскими изувѣрами, которые въ этотъ день совершали свой обычный байрамъ—пятницы, когда вѣроятно раздавалось такое-же неистовое фанатичное слово какого нибудь дервиша, какое мы слышали здѣсь за нѣсколько дней. Ахъ, какъ бы наше пѣніе, и теперь глубоко трогательное, было-бы несказанно сладостнымъ, если-бы оно раздавалось въ величественномъ и необычайно эффектно-акустически устроенномъ храмѣ Св. Софіи, гдѣ и нестройные звуки отдѣльныхъ чтецовъ корана и гоготанье изувѣровъ сливаются въ чудную гармонію звуковъ! Литургія служилась о. архимандритомъ Арсеніемъ съ двумя іеромонахами и іеродіакономъ; во время-же молебна явился о. протоіерей Каменскій и предъ окончаніемъ молебна сказалъ рѣчь, примѣненную къ обстоятельству и положенію слушателей. Исходя изъ текста Премудраго Соломона: *всему время и время всякой вещи подъ солнцемъ*, онъ проводилъ ту мысль, что хотя Россія явилась какъ-бы на поддержку или на смѣну Византійской Имперіи, принявъ отъ нея Православіе въ началѣ ея видимаго склоненія къ упадку и разрушенію, однако, говорилъ ораторъ, еще для многаго не пришелъ день и часъ для полноты славы и величія Россіи, и затѣмъ, обращая вниманіе на то, что вѣка наибольшаго величія Византіи были съ тѣмъ вмѣстѣ временемъ наибольшаго уклоненія ея отъ высоты нравственныхъ взглядовъ и чистоты жизни, высказывалъ опасеніе, что и мы, когда придетъ день нашъ, можемъ оказаться ниже своего призванія, и тогда слава наша отымется и дастся иному народу, и напротивъ величіе и

могущество наше пребудетъ вѣковѣчнымъ, если мы всегда будемъ облечены во вся оружія Божія.

Видимо, слово о. Каменскаго было трогательнымъ и весьма пріятнымъ фактомъ, поразившимъ многихъ и своею неожиданностію.

Послѣ молебна всѣ подходили ко кресту, которымъ всѣхъ благословлялъ о. архимандритъ, а о. Каменскій окроплялъ всѣхъ святою водою. Послѣ молебна всѣ члены Посольства были приглашены г. Посломъ къ нему на обѣдъ, а нѣкоторые и на завтракъ.

Высокопреосвященный Митрополитъ Дерконскій только выпилъ чашку кофе, а прочіе духовныя лица всѣ принимали участіе въ завтракѣ. Здѣсь произнесено было нѣсколько воодушевленныхъ словъ, касавшихся по преимуществу Византійской археологіи. Г. Посолъ выразилъ желаніе, чтобы наши ученые чаще дарили своимъ вниманіемъ такія древности Православія, какія находятся въ Константинополѣ, Ираклеѣ. Отвѣчая на это, профессоръ Покровскій сказалъ пространную и весьма энергичную рѣчь, въ которой съ похвалою говорилъ о замѣтной во всѣхъ членахъ Посольства любви къ археологіи, при чемъ охарактеризовалъ особенную долю участія, какое каждымъ изъ нихъ принимается въ этомъ дѣлѣ, начиная съ самого Посла и его достоуважаемой супруги, благодаря вниманію которой Ираклейскія древности сдѣлаются извѣстными всему просвѣщенному міру.

Послѣ завтрака всѣ спѣшили насъ познакомить съ своими пріобрѣтеніями древностей, при чемъ г. профессоръ получилъ въ даръ себѣ монету временъ Царей Василія и Михаила, при коихъ совершилось

крещеніе русскаго народа. Но намъ нужно было торопиться къ отъѣзду на Аѳонъ. И такъ какъ часъ отхода Аѳонскаго парохода былъ близокъ, а срокъ босфорскаго рейса былъ далекъ, то добрѣйшій Александръ Ивановичъ далъ намъ свой экипажъ и своего каваса, вооруженнаго съ головы до ногъ. Насъ повезли вокругъ Константинополя, со стороны поля, противоположнаго Босфору и тѣмъ дали намъ случай видѣть Царь-градъ съ той его стороны, съ которой его видятъ не многіе и съ которой онъ не представляетъ никакихъ живописныхъ картинъ, такъ какъ всѣ зданія по преимуществу обращены къ Босфору и стоятъ по горному спуску, до вершины котораго большая часть домовъ и невидна. Однако, мы были весьма довольны этимъ путешествіемъ, давшимъ намъ возможность видѣть обратную сторону красы Востока. А еще болѣе были довольны тѣмъ, что, пріѣхавши часа черезъ два въ подворье Пантелеймоновское, услышали вѣсть, что пароходъ на Аѳонъ еще не ушелъ и мы имѣемъ возможность застать его, что мы и поспѣшили сдѣлать.

Перепечатано, съ разрѣшенія за Вице-Губернатора, Г. Старшаго Совѣтника, изъ №№: 87 и 88 Арх. Губ. Вѣд. 1893 г., въ Архангельской Губернской Типографіи.